

ГАБРИЭЛЕ Д'АННУНЦИО

ПАЛОМНИЧЕСТВО В
КАЗАЛЬБОРДНО

Габриэле д'Аннунцио Паломничество в Казальбордно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452102

Аннотация

«Это было поразительное и ужасное зрелище, неслыханное и невиданное скопление вещей и народа, состоящее из таких странных, кричащих и разнообразных элементов, что оно превосходило самые невероятные картины, рисуемые кошмаром...»

Габриэле д'Аннунцио

Паломничество в Казальбордно

*(Из романа «Торжество
Смерти» Г. Д'Аннунцио)*

Это было поразительное и ужасное зрелище, неслыханное и невиданное скопление вещей и народа, состоящее из таких странных, кричащих и разнообразных элементов, что оно превосходило самые невероятные картины, рисуемые кошмаром. Все унижения и страдания вечного раба, все гадкие пороки, все ужасы; все страдания и уродства крещеной плоти, все слезы раскаяния и смех обжор; безумие, жадность, хитрость, распутство, обман, идиотизм, страх, смертельная усталость, окаменевшее равнодушие, безмолвное отчаяние; священные песни, завыванье бесноватых, крики акробатов, звон колоколов, звуки труб, стоны, мычанье коров, ржанье лошадей; треск огня под котелками, кучи фруктов и сладостей, ларьки с домашнею утварью, материями, оружием, украшениями, четками; грязные пляски уличных танцовщиц, конвульсии эпилептиков, свалки дерущихся, бегство воров, преследуемых в толпе; весь цвет разврата, вынесенный из грязнейших закоулков отдаленных городов и вылитый на неве-

жественную и растерянную толпу; целые облака безжалостных паразитов, напоминающих рой слепней, кружащихся над стадом, густая толпа народа, неспособная защищаться от них; всевозможные низменные искушения для грубых appetитов, все виды обмана, простоты и глупости, все гадости и безобразия, проявляемые совершенно открыто; одним словом, всевозможные элементы были собраны тут и кипели и кишели вокруг дома Божьей Матери.

Этот дом был массивным зданием грубой архитектуры из красного кирпича без штукатурки и без всяких украшений. У внешних стен, около колонн портиков, торговцы священными предметами воздвигли свои навесы и прилавки и торговали. Вблизи высились конические бараки акробатов, украшенные огромными картинами с изображением кровавых битв и трапез людоедов. Мужчины с косыми взглядами и неопрятной и подозрительной внешностью трубили и кричали у входов. Нахальные женщины с огромными ногами, вспухшим животом и отвисшею грудью, плохо прикрытые грязными трико и блестящими тряпками, расписывали на грубом языке чудеса, скрытые за красною занавескою позади них. Одна из этих растрепанных продажных женщин, казавшаяся дочерью карлика и свиньи, кормила из своего слюнявого рта гадкую обезьяну, а рядом с нею клоун, намазанный мукою и кармином, с остервенением тряс оглушающий колокольчик.

Богомольцы появлялись длинными вереницами, неся рас-

пятое и распевая гимны. Женщины, держа друг друга за край платья, шли в полном отупении с расширенными и устремленными вперед глазами. Женщины из Триньо были одеты в ярко-красные с мелкими складками суконные платья, застегнутые на спине и подпоясанные пестрыми кушаками, образовавшими сзади на настоящие горбы. Они шли, согнувшись, усталою походкою, с трудом передвигая растопыренные ноги в тяжелых, как свинец, туфлях и напоминая каких-то странных горбатых животных. У некоторых женщин были зобы, и золотые ожерелья блестели на их шее под этою красною сухою опухолью.

Да здравствует Мария!

Над толпою возвышались ясновидящие, сидевшие в узких высоких ложах, одна против другой. Лица их были завязаны, оставляя открытым только неутомимый рот, из которого постоянно текла слюна. Они говорили нараспев, возвышая и понижая голос, отбивая такт движениями головы. Время от времени они с легким свистом втягивали внутрь накопляющуюся слюну. Одна из них кричала, поднимая руку с засаленною игральною картою: – Вот якорь доброй надежды! – Другая с огромным ртом, в котором изредка мелькал между испорченными зубами язык, покрытый какою-то желтою массою, сидела, нагнувшись к слушателям, и держала на коленях огромные руки со вспухшими венами; в подоле ее платья лежала куча медных монет. Окружающая публика внимательно слушала ее, стараясь не пропустить ни одного сло-

ва, не шевелясь и только изредка смачивая языком сухие губы.

Да здравствует Мария!

Новые толпы богомольцев являлись, проходили и исчезали. Там и сям, в тени бараков, под огромными голубыми зонтиками или прямо под палящими лучами солнца старухи спали от усталости, сидя с опущенною на руки головою на высушенной солнцем траве. Другие, молча, сидели в кругу, вытянув ноги на земле, и с трудом жевали хлеб и овощи, не оглядываясь по сторонам и относясь вполне безучастно к окружающей их жизни; по их желтоватой, морщинистой, как панцирь черепахи, шее видно было, с каким усилием Они глотали слишком крупные куски...

Некоторые женщины были покрыты ранами, корками, шрамами; некоторые были без зубов, без ресниц, без волос; Они не спали и не ели, а сидели неподвижно и с покорным видом, точно ожидали смерти, а над ними кружились, как над падалью, густым роем назойливые насекомые.

Но в трактирах под накаленными солнцем навесами, во-круг врытых в землю и украшенных зеленью столбов толпились люди, с огромным трудом накопившие маленькие сбережения, чтобы придти помолиться Богородице и удовлетворить свой огромный аппетит, назревавший постепенно среди скудных трапез и утомительного труда и дошедший до обжорства. Снаружи были видны их наклонившиеся над чашками лица, движения их скрипящих челюстей, ру-

ки, разрывавшие кушанье, их грубые фигуры, трудившиеся над непривычною пищею. Большие котлы с какою-то фиолетовою мякотью дымились в круглых дырках, обращенных в очаги, привлекая к себе публику. Худая девушка с зеленовато-бледным лицом предлагала сыр в виде маленьких фигурок лошадей, птиц и цветов. Один человек с лоснящимся и гладким, как у женщины, лицом, с золотыми серьгами в ушах и с руками, окрашенными анилиновою краскою, предлагал мороженое, которое производило впечатление яда.

Да здравствует Мария!

Новые богомольцы прибывали и проходили. Постоянно обновлявшееся течение народа не прекращалось в пестрой, волнуемой толпе; один и тот же напев неизменно раздавался в хаосе звуков. Понемногу ухо стало различать только имя Марии на неясном фоне различных звуков. Гимн заглушал шум. Живые и неутихавшие волны били в стены церкви, накалившиеся на солнце.

Да здравствует Мария!

Мария да здравствует!

Богомольцы бродили вокруг церкви, ожидая своей очереди войти в нее. Они ходили и ходили без передышки с непокрытой головой, следуя за распятиями и не прекращая пения ни на минуту.

У каждой группы богомольцев было свое распятие и свой вожак. Вожаком был всегда крепкий и сильный человек, постоянно ободрявший своих товарищей воплями и движени-

ями сумасшедшего, толкая в спину отстававших, таща вперед утомленных стариков, ругая женщин, которые прерывали на минуту пение, чтобы немного передохнуть. Смуглый великан с пламенными глазами под прядкою черных волос тащил на веревке трех женщин. Одна женщина шла одетая в мешок, из которого торчали только голова и руки. Другая, худая и высокая, с мертвенно-бледным лицом и беловатыми глазами, шла молча и безучастно; на груди ее красовалась красная повязка, точно она была смертельно рамена в грудь; время от времени она шаталась, точно не могла устоять на ногах и готова была упасть. Еще одна, худощавая и со злым выражением лица, настоящее воплощение деревенской фурии, с костлявыми бедрами, обернутыми в багровый плащ, с блестящею вышивкою на груди, потрясала в воздухе черным распятием, ведя за собою и ободряя своих товарищей. Еще одна несла на голове люльку, покрытую черною тряпкою.

Да здравствует Мария!

Они шли и шли без передышки, ускоряя шаги, возбуждаясь от воплей и жестов исступленных. Незамужние женщины с редкими, распущенными по плечам и намазанными оливковым маслом волосами и почти лысыми макушками голов, с идиотским, чисто бараньим выражением лица, шли длинною вереницею; каждая из них держалась за плечо подруги, с грустным видом потупив глаза в землю; это были несчастные создания, не знавшие радостей материнства. Четыре человека несли что-то вроде гроба, в котором лежал страшно

полный паралитик с безжизненно висевшими руками; отчаянная подагра сделала их узловатыми, как корни деревьев. Они, не переставая, дрожали; обильный пот увлажнял его лоб и голый череп и струился по широкому выцветшему лицу с нежными красными жилками, как селезенка у быков. На шее его висели многочисленные образки, а на животе лежал развернутый лист бумаги с изображением Божией Матери. Он пыхтел и стонал, точно в мучительной агонии; тело его издавало отвратительный запах, как будто оно начало уже разлагаться, и из всех пор глядели ужасные страдания, сопровождавшие последние проблески жизни, и все-таки ему не хотелось умирать, и он велел принести себя чуть не в гробу к ногам Божьей Матери, чтобы не умереть. Недалеко от него сильные и крепкие мужчины, привыкшие носить на храмовых праздниках массивные статуи и огромные хоругви, тащили вперед буйного сумасшедшего, который рычал и вырывался из их крепких тисков; платье его было разорвано, изо рта текла пена, глаза выкатились из орбит, артерии на шее страшно надулись, волосы были растрепаны, лицо потемнело, как у задушенного. И снова прошли, все остальные в постоянном круговороте: и три женщины на веревках, и фурия с черным распятием, и молчаливая женщина с красною повязкою, и женщина с люлькою на голове, и женщина в мешке с униженным видом; из под ее опущенных век катились тихие слезы; она, по-видимому, чувствовала себя одинокой в толпе и напоминала фигуру из отдаленных веков, на

которую древняя строгость наложила покаяние.

Да здравствует Мария!

Они все шли и шли, не останавливаясь, ускоряя шаги, возвышая голос, чуть не теряя рассудок от жаркого солнца, которое жгло им головы и затылки, возбуждаемые воплями иступленных и криками, несшимися из церкви, охваченные безумным фанатизмом, толкавшим их на кровавые жертвы, на поранение плоти, на самые нечеловеческие доказательства своей веры. Они шли и шли, горя нетерпением войти в церковь и преклонить колени на священных камнях, заполнить своими слезами следы колен, оставленные на камнях многими тысячами народа. Они шли и шли, и число их возрастало; они толпились и возбуждали друг друга, охваченные таким единодушным пылом, что производили впечатление не скопления отдельных людей, но одной сплошной массы какой-то слепой материи, которую гонит вперед сила вихря.

Да здравствует Мария

И Мария да здравствует!

Один молодой человек вдруг грохнулся на землю в припадке падучей болезни. Его близкие окружили его и вытащили из круговорота. Другие из толпы прибежали посмотреть на зрелище.

Боковая дверь церкви вела в помещение, похожее на риз-

ницу; сквозь голубоватую дымку виднелись стены, сплошь увешанные восковыми предметами, принесенными в благодарность Божьей Матери за совершенные чудеса. Руки, ноги, груди, бесформенные куски, изображавшие опухоли, нарывы, язвы, грубые изображения чудовищных болезней, ярко-красные и лиловые раны, нарисованные на бледном воске-все эти неподвижные предметы на четырех высоких стенах вызывали отвращение и страх и производили впечатление ампутированных членов, собранных в одной комнате. Куча неподвижных человеческих тел валялась на полу, и из нее глядели мертвенно-бледные лица, окровавленные губы, пыльные лбы, лысые черепа, седые волосы. Почти все это были старики, потерявшие сознание в экстазе перед алтарем, принесенные сюда на руках и сваленные в кучу, как трупы во время чумы. Двое рыдавших мужчин несли из церкви старика, голова его свешивалась то на грудь, то на плечо, и кровь капала на рубашку с его оцарапанного носа, губ, подбородка. Он испускал отчаянные крики, которых может быть сам не слышал, крики сумасшедшего, просившего о милости и не удостоившегося ее.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

Эта был неслыханный шум, отчаяннее воплей людей, которые горят живыми и не могут спастись, ужаснее криков погибающих ночью на море и осужденных на верную смерть.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвя-

тая Богородица!

Тысячи рук протягивались к алтарю в диком пылу. Женщины тащились на коленях, рыдали, рвали на себе волосы, хлопали себя по бокам, бились лбом о каменный пол, точно их мучили отчаянные судороги. Некоторые, поддерживая свое тело в горизонтальном положении локтями и большими пальцами босых ног, понемногу подвигались к алтарю, напоминая пресмыкающихся и периодически отталкиваясь от полу пальцами ног. Из под юбок торчали их уродливые мозолистые ступни и выступающие острые щиколотки. Иногда Они двигались помощью кистей рук, которые дрожали у губ, целовавших пыль, и у языка, творившего в пыли крестное знаменье слюною, смешанною с кровью. Пресмыкающиеся тела ползли по этим кровавым следам, не стирая их, а перед каждой головой мужчина, стоя, бил концом палки по полу, указывая прямой путь к алтарю.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

Близкие родственницы этих женщин тащились на коленях по обеим сторонам их, наблюдая за этою пыткой по обету. Иногда они наклонялись, чтобы ободрить несчастных. Если они замечали у них признаки обморока, то приходили им на помощь, поддерживая их или обмахивая им головы тряпками. Они плакали горячими слезами. Но еще громче плакали они, помогая старикам и молодым людям в исполнении этого обета. Не только женщины, но и старики, и средних

лет мужчины, и молодые люди подвергали Себя этой пытке, чтобы добраться до алтаря и быть достойными взглянуть на образ Божьей Матери. Каждый мочил своим языком то место, где предшественник оставил кусок кожи или каплю крови, или пот, или слезы. Яркие лучи солнца внезапно врывались иногда через главные двери в церковь и освещали подошвы сведенных от напряжения ног, покрывшихся мозолями на сухих полях и на каменистой почве гор, искалеченных и больше похожих на ноги животных, чем людей; они освещали и волосатые, и голые затылки, седые, рыжие и темные, и толстые, как у быка, шеи, надувшиеся от напряжения или слабо дрожавшие, как зеленоватые головы старых черепах, или напоминавшие отрытые из под земли черепа, на которых черви оставили несколько прядок выцветших волос или несколько обгрызков красноватой кожи.

Голубоватая волна ладана медленно разливалась в воздухе, скрывая иногда все это унижение, надежды и физические страдания. Новые верующие являлись перед алтарем, моля о милости и заглушая своими криками голоса лежащих на земле людей, которым, казалось, не суждено было встать с земли.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

Матери обнажали свои безмолчные груди и показывали их Богородице, моля ее ниспослать им молока, а сзади них родственницы держали на руках их худых, почти умираю-

щих и тихо плачущих детей. Замужние женщины просили у Божьей Матери плодовитости, предлагая в дар свадебное платье и украшения.

– Сжался надо мной, пресвятая Мария, ради Сына, которого ты держишь на руках!

Они молились сперва тихим голосом, со слезами рассказывая о своих страданиях, точно говорили с образом наедине, точно он наклонялся к ним с высоты, чтобы выслушать их жалобы; но постепенно Они доходили до исступления, до безумия. Казалось, что Они хотели вырвать у Богородицы согласие на чудо помощью криков и безумных жестов, напрягая все свои силы, чтобы издать самый громкий и резкий крик, который долетел бы до глубины сердца Божьей Матери.

– Смилостивься надо мною! Смилостивься надо мною!

И они ждали в тревожном молчании, тараща глаза в надежде заметить какую-нибудь перемену в божественном лице, недоступно сиявшем среди колонн алтаря и осыпанном драгоценными камнями.

Новые потоки фанатиков вытесняли прежних и вытягивались вдоль решетки. Громкие крики и безумные жесты чередовались с принесением даров. По другую сторону решетки, закрывавшей доступ к главному алтарю, монахи принимали жирными и бледными руками монеты и драгоценности. Протягивая руки то в одну, то в другую сторону, они металась, как дикие звери в клетках зверинца. Сзади них цер-

ковнослужители держали большие металлические подносы, на которые дары сыпались со звоном. Сбоку, у двери в ризницу, другие священники сидели, нагнувшись, вокруг стола, считая монеты и разглядывая драгоценности, а один из них, костлявый и рыжий, писал гусиным пером в большой книге. Они по очереди отрывались от своих обязанностей и совершали богослужение. Колокольчик звонил тогда, и кадило качалось в воздухе, распространяя в церкви запах ладана. Голубоватые полосы тянулись над тонзурами и исчезали за решеткою. Священный аромат сливался с человеческою вонью.

– Ora pro nobis, Sancta Dei Genitrix.

– Ut digni efficiamur promissionibus Christi.

Иногда в церкви воцарялось неожиданное злоещее молчание, точно буря затихала на несколько мгновений; толпа замирала в тревожном ожидании, и латинские слова ясно звучали в тишине церкви.

– Concede nos famulos tuos...

В главные двери торжественно входила молодая супружеская чета в сопровождении разряженных родственников, сверкая золотыми украшениями, шурша шелковыми одеждами. Здоровая и крепкая молодая напоминала головою королеву диких народов; у нее были густые и близко сдвинутые брови, черные волнистые блестящие волосы, пухлые красные губы: верхняя губа оттенялась черным пушком и была поднята кверху неправильными передними зубами. Ожере-

лье из золотых бус три раза обвивало ее шею; из ее ушей свешивались на щеки крупные золотые кольца, обвитые филиграновыми цветами; блестящий, как кольчуга, лиф охватывал ее бюст. Она шла с серьезным видом, углубившись в свои мысли, не поднимая глаз; ее усыпанная кольцами рука покоилась на плече мужа. Муж был тоже молод, маленького роста, почти без бороды и страшно бледен; на его лице лежало выражение глубокой печали, точно его точила какая-то скрытая болезнь. Казалось, что эта чета заключала в себе какую-то роковую, первобытную тайну.

Шепот пробежал в толпе. Молодые молчали и не оглядывались по сторонам; родственники, мужчины и женщины, шли за ними следом, образуя цепь и держа друг друга под руки, как в старинных танцах. Какой обет исполняли они? Какую милость испрашивали они у Божьей Матери? Известие шепотом сообщалось друг другу в толпе. Они молились, чтобы молодому супругу была возвращена способность производить потомство, способность, разрушенная в нем может быть колдовством. Девственность молодой супруги была еще нетронута, и кровь не обагрила еще брачного ложа.

Дойдя до решетки, молодые супруги, молча, подняли глаза к образу и несколько минут стояли неподвижно, углубившись в немую молитву. Но сзади них обе матери стали протягивать морщинистые, сухие руки, напрасно сыпавшие на голову молодой пшеницу в день венчания. Они протягивали руки и кричали:

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

Молодая медленными движениями сняла с пальцев кольца и подала их в дар Божьей Матери. Потом она сняла тяжелые серьги, затем наследственное ожерелье и принесла все эти драгоценности в жертву Божьей Матери.

– Возьми, благословенная Дева! Возьми, Чудотворица, Пресвятейшая Мария! – восклицали матери охрипшим от криков голосом, все более экзальтируясь и бросая друг на друга мимолетные косые взгляды, чтобы убедиться, что одна не превосходит другую в проявлениях отчаяния перед внимательно глядевшей на них толпой.

– Возьми, возьми!

Они глядели, как золото падает в безучастные руки священников; они слышали звон металла, падавшего на подносы церковнослужителей, звон драгоценного металла, приобретенного упорным трудом многих поколений, сохранявшегося в течение долгих лет на дне сундука и вынимавшегося только в день новой свадьбы.

Они видели, как фамильные драгоценности падают и исчезают навсегда, и эта жертва приводила их в отчаяние. Волнение их сообщалось ближним, и в конце концов крики родственников слились в общий гул. Один только молодой супруг стоял, молча устремив на образ Божьей Матери неподвижные глаза, из которых лились тихия слезы.

В церкви воцарилась тишина, нарушаемая только латин-

скими словами богослужения и звуками гимна, который пели бродившие вокруг церкви богомольцы. Затем молодая чета, не сводя глаз с образа Божьей Матери, медленно отступила назад. Новая толпа заняла ее место у решетки. В течение нескольких секунд голова молодой женщины возвышалась над массой народа; она была лишена теперь своих украшений, но казалась красивее и величественнее, точно дышала таинственной жизнью древности в толпе варваров; затем она исчезла, неизгладимо запечатлевшись в памяти присутствующих.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

Это были крики пресмыкающихся женщин, которые доползли до алтаря и поднимались с полу. Одну из них родственницы подняли с земли в бесчувственном состоянии, поставили на ноги и стали трясти. Она выглядела, как мертвое тело. Все ее лицо было в пыли, нос и лоб были оцарапаны, а рот полон крови. Родственницы стали дуть ей в лицо, чтобы привести ее в сознание, вытерли ей рот тряпкою, которая стала багрово-красною, снова стали трясти ее и громко звать по имени. Она вдруг откинула голову назад, бросилась к решетке, судорожно ухватилась руками за железные прутья и стала рычать, как роженица.

Ее рычания и иступленные крики заглушали окружающий шум. Потoki слез лились по ее лицу, смывая пыль и кровь.

– Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!

А позади нее и рядом с нею другие женщины бесновались, неистовствовали и орали.

– Милости! Милости!

Они теряли голос, бледнели, падали, как снопы, на землю; их уносили, а другия вырастали вместо них, как из под земли.

– Милости! Милости!

Эти вопли, чуть не раздиравшие грудь, эти слова, повторяемые без передышки с упорною настойчивостью и верою, этот дым, сгущавшийся, как грозовая туча, эта теснота и смешение дыханий, вид крови и слез подействовали на толпу, и она слилась в одно единое существо с общею ужасною и несчастною душою, с общими движениями и страданиями, с одним голосом и безумием. Все болезни и мучения слились в одну общую болезнь, которую Божья Матерь должна была исцелить; все надежды слились в одну общую надежду, и народ ожидал ее осуществления от Божьей Матери.

– Милости! Милости!

И пламя свечей под блестящим образом задрожало в этом вихре страстей.